
CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

ЛАССУЭЛЛ Г.Д. ГАРНИЗОННОЕ ГОСУДАРСТВО. (Перевод с англ.)

LASSWELL H.D. The garrison state // American j. of sociology. – 1941. – Vol. 46, N 4. – P. 455–468.

Ключевые слова: гарнизонное государство; демократия; политическая наука; конструкты развития; картины будущего.

Для цитирования: Лассуэлл Г.Д. Гарнизонное государство / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2021. – № 2. – С. 173–188.

Задача этой статьи – рассмотреть возможность того, что мы движемся к миру «гарнизонных государств», миру, в котором самой могущественной группой в обществе будут специалисты по насилию. С этой точки зрения тенденцией нашей эпохи является отход от господства специалиста по торгу, т.е. бизнесмена, к верховенству солдата. Мы можем различить переходные формы, такие как партийно-пропагандистское государство, где главенствует фигура пропагандиста, и партийно-бюрократическое государство, в котором ключевые решения принимают партийные функционеры. Есть и смешанные формы, где господство делят монополисты партийной и рыночной власти¹.

На всех людей глубоко воздействуют, наряду с их желаниями, их ожидания. Мы разносим свои специфические желания и

¹ Предварительное обсуждение гарнизонного государства см. в моей статье: Lasswell H.D. Sino-Japanese crisis : the garrison state versus the civilian state // China quart. – 1937. – Vol. 11. – P. 643–649.

усилия во времени, соотнося это с тем, что разумно надеемся получить. Поэтому, действуя рационально, мы принимаем во внимание альтернативные версии будущего, извлекая наружу те ожидания в отношении будущего, которые зачастую погребены в царстве наития.

В практике социальной науки, как и при практиковании любого из искусств, существующих в обществе, на нас неизбежно в той или иной мере влияют наши представления о будущем развитии. При проведении научной работы есть проблема своевременности – своевременности с точки зрения доступности данных и политических соображений. В мире, где примитивные общества на глазах исчезают, рационально действовать быстро и собирать данные о примитивных формах социальной организации. В мире, в котором ученый может быть также демократическим гражданином, разделяющим демократическое уважение к человеческой личности, ученому рационально отдавать первенство проблемам, связанным с выживанием демократического общества. Здесь не идет речь об ученом, черпающим свои ценности из науки; ценности *приобретаются* главным образом из личного переживания данной культуры, *извлекаются* из того слоя культуры, коим являются философия и теология, и *имплементируются* наукой и практикой.

Рисуемая здесь картина гарнизонного государства – не догматический прогноз. Скорее это изображение вероятного. Ничего неизбежного в нем нет. Оно, возможно, даже не обладает той же вероятностью в каких-то других описаниях будущего хода развития. Какова тогда функция этой картины для ученых? Она призвана побудить индивидуального специалиста прояснить для себя свои ожидания в отношении будущего и служить руководством для распределения во времени научной работы. Бок о бок с этим «конструктом» гарнизонного государства могут идти еще другие конструкты; рационально мыслящий человек присвоит степени вероятности каждой альтернативной картине¹.

¹ Термин «субъективная вероятность» мы используем для обозначения степени вероятности, приписываемой будущему событию; «объективная вероятность» относится к утверждениям о прошлых событиях. Интеллектуальный акт задания ориентировочной картины значимых связей между прошлым и будущим есть обдумывание развития (см.: Lasswell H.D. World politics and personal insecurity. – N.Y. ; L. : Whittlesey House : McGraw-Hill book co., 1935. – Ch. 1: Configura-

Ожидания в отношении будущего могут покоиться на экстраполяции в будущее прошлых тенденций. Мы можем выбрать несколько единичных показателей – например демографическую кривую и кривую выпуска продукции – и спроецировать их в будущее в соответствии с некоторым установленным правилом. Это «поэлементная» процедура. В противовес этому, мы можем задать некий конструкт, откровенно воображаемый, хотя и дисциплинированный тщательным рассмотрением прошлого. Коль скоро кривые тенденций суммируют много черт прошлого, то при подготовке каждого конструкта они должны быть скрупулезно приняты во внимание. Корреляционный анализ кривых тенденций в сочетании с результатами эксперимента может дать нам частичное подтверждение многих положений о социальном изменении; эти результаты тоже следует принять во внимание. Вдобавок к этим вымуштрованным батальонам данных имеется тотальная погруженность индивида в непосредственное и документированное прошлое, и этот целостный контакт с ним может стимулировать продуктивный инсайт, позволяющий мысленно постичь структуру совокупного множества событий, включающего как прошлое, так и будущее. В интересах верной ориентации в мире событий благоразумный и мудрый человек не станет отбрасывать все, кроме кодифицированного опыта. (Картины будущего, выстраиваемые на более чем «поэлементной» основе, можно назвать «тотальными».)

Говорить о гарнизонном государстве – не значит предсказывать что-то совершенно новое под солнцем. Для исследователя политических институтов в мысли о том, что специалисты по насилию могут управлять государством, точно нет ничего нового. Напротив, в некоторых влиятельнейших трактовках политических институтов военное государство называлось одной из главных форм организованного общества. Конт видел в истории последовательность (и прогрессию), проходящую, насколько это касается государства, через военную, феодальную и промышленную фазы. Спенсер подразделял все человеческие общества на общества военного типа, базирующиеся на силе, и общества промышленного типа, базирующиеся на договоре и свободном согласии.

tive analysis; Mannheim K Man and society in an age of reconstruction : studies of modern social structure. – N.Y. : Harcourt, Brace & co., 1940. – Pt 4: Thought at the level of planning).

Что важно для нас, так это предусмотреть возможность возникновения военного государства при нынешних технических условиях. Нет примеров военного государства, сочетающегося с современной технологией. Во время чрезвычайных ситуаций великие державы придавали военным полномочиям небывалые масштабы, но временным приобретениям подобных полномочий недостает элементов сравнительного постоянства и признания, доводящих гарнизонное государство до завершенности. В государствах, маргинальных по отношению к творческим центрам западной цивилизации, военные диктаторы не спаяны с современной технологией; они лишь пользуются некоторыми из ее специфических элементов.

Военные, управляющие в современном техническом обществе, будут сильно отличаться от офицеров, какими мы их знаем из истории и традиции. Вероятно, специалисты по насилию включат в свою подготовку немалую степень экспертности во многих из тех областей, которые мы традиционно воспринимали как часть современного гражданского управления.

Отличительной системой координат в воюющем обществе является военная эффективность. Всякое социальное изменение переводится в боевой потенциал. Но не может быть никакого реалистического расчета военной эффективности без знания технических и психологических характеристик современных производственных процессов. Функцию менеджмента в таком обществе мы уже знаем; она включает реализацию мастерства в надзоре над техническими операциями, в административной организации, в управлении персоналом, в связях с общественностью. Эти умения нужны для перевода сложнейших операций современной жизни в любую релевантную систему координат, будь то денежной выгоды или боевой эффективности.

Это приводит к кажущемуся парадоксу, что чем больше современные государства милитаризируются, тем выше интерес специалистов по насилию к навыкам и установкам, считающимися характерными для ненасилия. Мы ожидаем сплавления разных навыков, начиная с традиционных атрибутов профессионального солдата и заканчивая умениями менеджера и промодера крупного гражданского предприятия.

В гарнизонном государстве, по крайней мере в начальных его фазах, на сознание управленческого аппарата неизбежно ло-

жаты тяжелым бременем проблемы морального духа. В шестерни современной конвейерной линии легко забросить песок; а, следовательно, должно быть глубокое и общее чувство участия в целостном предприятии государства, чтобы коллективные усилия были устойчивыми. Привлекая внимание к важности «человеческого фактора» в современном производстве, мы иногда не замечаем, что она проистекает из множественности особых сред, созданных современной технологией. Там, где раньше обнаруживались считанные сотни технических операций, сегодня их уже тысячи. Такое усложнение материальной среды означает умножение фокусов внимания у тех, кто живет в нашем обществе. Диверсифицированные фокусы внимания плодят различия в мировоззрении, предпочтениях и лояльности. Лабиринт специализированных «материальных» сред порождает глубокие идеологические расхождения, которые невозможно устранить, хотя и можно смягчить с помощью методов, доступных в настоящее время лидерам в нашем обществе. Пока главенствует современная технология, общество испещрено клеточками особого опыта, индивидуальности, частичной свободы. Согласованное действие при таких условиях зависит от искусного руководства человеческими умами; и отсюда необычайная значимость символического манипулирования в современном обществе.

Важность фактора морального духа подчеркивается всеобщим страхом, который с помощью современных инструментов войны можно поддерживать в больших населенных пунктах. Развитие воздушной войны, в частности, все больше вело к устранению различия между гражданскими и военными функциями. Невозможно более утверждать, что те, кто идет на военную службу, берут на себя физический риск, а те, кто остается дома, находятся в безопасности и вносят вклад в снабжение и комфорт мужественных героев, сражающихся на фронте. На самом деле в некоторые периоды современной войны людские потери среди гражданского населения могут превосходить потери в армии. При социализации опасности как постоянной черты современного насилия нация становится единым техническим предприятием. Тем, кто направляет операции насилия, приходится принимать во внимание всю гамму проблем, возникающих в совместной жизни при современных условиях.

Будут прилагаться энергичные усилия для инкорпорирования молодых и старых в судьбу и миссию государства. Вероятно, одной из форм этого символического приспособления будет упразднение «безработных». Этот стигматизирующий символ станет в гарнизонном государстве устаревшим. Он оскорбляет достоинство миллионов, ибо подразумевает бесполезность. И неважно, дают ли «безработному» «пособие» или подключают к проектам «оказания помощи». Всегда остается пагубная стигма его избыточности. Гарнизонное государство, несомненно, будет отличаться психологическим упразднением безработицы – «психологическим», потому что это главным образом вопрос переопределения символов.

В гарнизонном государстве должен быть труд – и долг трудиться – для всех. Поскольку весь труд становится общественным трудом, то все, кто уклоняется от работы, попирают военную дисциплину. Для тех, кто не вливается в структуру государства, должна быть только одна альтернатива: подчиниться или умереть. Следовательно, ожидается наличие принуждения как мощного инструмента внутреннего контроля.

Использование принуждения может оказывать значимое воздействие на много большее количество людей, чем те, кого оно достигает напрямую; это пропагандистский компонент всякой «пропаганды делом». Зрелище принудительного труда и трудовых бригад в тюрьмах и концентрационных лагерях служит негативным средством сохранения морального духа – «негативным», поскольку пробуждает страх и чувство вины. В военном государстве подобные трудовые группы – подходящие популярные козлы отпущения. Долг подчинения, служения государству, труда – вот ключевые добродетели в гарнизонном государстве. Беспрестанное подчеркивание долга непременно порождает противоположные тенденции в личностной структуре всех, кто живет при гарнизонном режиме. Каждый должен всеми силами держать под контролем любые порывы, сознательные или бессознательные, к непокорности, нарушению трудового кодекса, уклонению от беспрестанного требования приносить жертвы в интересах коллектива. Молодежь с ранних лет будут учить подавлять малейшие признаки неприятия господствующего кодекса коллективных бесчинств, отрекаться от них, бороться с ними.

Всякий раз, когда у индивида возникают, хотя бы едва заметно, порывы к нарушению кодекса, совесть навязывает ему чувства вины и тревоги. Когда угроза, санкционирующая кодекс военного государства, интернализируется в совесть молодежи, зрелище трудовых бригад становится глубоко тревожным. Характерной реакцией на это является самодовольство – быстрое оправдание насильственных наказаний, молчаливое принятие заключения, что все, кого подвергают такому принуждению, виновны в антиобщественном поведении. Воздерживаться от оценки, оправдывать других в особых случаях – значит проявлять по крайней мере частичную терпимость к контрнравственным тенденциям внутри Я. Отсюда быстрые замещающие реакции: установка собственной правоты и самоуверенности, отвлечение внимания. И в самом деле, характерным психическим паттерном военного государства является «паттерн испуга», который переводится во внешнюю и внутреннюю угрозу. Этот паттерн испуганности превозмогается и стилизуется как бдительное, оперативное, повелительное приспособление к реальности. Он выражается в той властной манере, которая определяет военный стиль: в жестикуляции, интонации и идиоме.

Главными мишенями принуждения к трудовой службе будут неквалифицированные работники физического труда вместе с теми элементами контрэлиты, которые окажутся под подозрением. Положение неквалифицированных в нашем обществе до сих пор ухудшалось, поскольку машинное общество все меньше использовало неквалифицированный ручной труд. Пришествие машины было революцией в навыках, расширением роли квалифицированных и полуквалифицированных компонентов общества¹. Раз ценность труда падает в производстве, то падает она и в войне; поэтому с ним будут меньше считаться. (Когда на неквалифицированных работников полагаются как на рядовых бойцов, они должны, конечно, участвовать в идеологической экзальтации сообщества в целом и получать постоянный поток уважения со стороны соци-

¹ См.: Sogge T.M. Industrial classes in the United States in 1930 // J. of the American statistical association. – 1933. – Vol. 28. – P. 199–203; Clark C. National income and outlay // Pigou A.C. Socialism versus capitalism. – L. : Macmillan & co., Ltd., 1937. – P. 12–22. Статья Зогге является продолжением более раннего исследования Алвина Х. Хансена.

ального окружения.) Прогноз в отношении низших слоев населения в будущем гарнизонном государстве омрачается еще одним фактором. Если недавние успехи в фармакологии продолжатся, а мы можем такое предвидеть, то на смену символическим методам могут прийти физические средства контроля реакций. Речь идет о применении химических веществ не только для создания временных взрывов энергии у бойцов на передовой, но и для умерщвления критических функций у всех, кто придется не ко двору правящей элите.

Что касается ближайшего будущего, то здесь правящие элиты должны продолжать опираться главным образом на пропаганду как на инструмент поддержания морального духа. Но манипулирования символами, даже в сочетании с принуждающими инструментами насилия, еще недостаточно для достижения всех целей правящей группы. Мы уже говорили о социализации опасности, и она принесет с собой некоторые эгалитарные приспособления в распределении дохода с целью сохранения воли к борьбе и производству.

Вдобавок к приспособлению символов, благ и насилия, политическая элита гарнизонного государства будет считать необходимыми некоторые адаптации в краеугольных практиках государства. Решения будут больше диктаторскими, чем демократическими, а институциональные практики, издавна связанные с современной демократией, исчезнут. Вместо выборов на должности и референдумов по тем или иным вопросам придет правление путем плебисцита. Если выборы способствуют формированию и выражению общественного мнения, то плебисциты поощряют всего лишь единодушные демонстрации коллективных чувств. Соперничающие политические партии будут подавлены – либо путем монополизации легальности одной политической партией (правильнее называть ее политическим «режимом»), либо путем упразднения всех политических партий. Правящая группа будет осуществлять монополию на публичное выражение мнения, упраздняя тем самым свободную коммуникационную циркуляцию фактов и интерпретаций. С законодательными органами будет покончено, и если будет дозволен консультативный орган с большим составом, то он будет функционировать в качестве ассамблеи, т.е. собираться на очень короткое время раз в год, и от него будет ожидать ратификация

решений центрального руководства после произнесения речей, по сути своей главным образом церемониальных. Таким образом, частью церемониализационного процесса в военном государстве становятся плебисциты и ассамблеи.

Поскольку законодательные органы и выборы выйдут из употребления, более важную роль будет играть практика подачи петиций. Законотворчество будет сосредоточено в руках верховной власти и ее советников; и пока такое государство сохраняется, эта инстанция будет осуществлять эффективный контроль (термином «власть» здесь обозначаются формальные ожидания, а термином «контроль» – действительное распределение фактической власти).

Это означает, что инструментальная демократия будет в подвешенном состоянии, хотя символы мистической «демократии» будут, несомненно, сохраняться и дальше. Инструментальная демократия обнаруживается везде, где власть и контроль широко распределены между членами государства. Мистическая «демократия», строго говоря, вообще не является демократией, так как может обнаруживаться там, где власть и контроль в высокой степени сконцентрированы, пусть даже частью установленной практики является говорение от имени народа в целом. Таким образом, любая диктатура может прославлять свою «демократию» и с презрением отзываться о таких «механических» средствах, как правило большинства на выборах или в законодательных органах.

На какую часть социальной структуры будут опираться при рекрутировании политических правителей гарнизонного государства? Как мы уже видели, этот процесс будет осуществляться не посредством всеобщих выборов, а путем самоувековечения через кооптацию. Ключевые позиции будут открыты для чиновничьего корпуса, и задача – предсказать, из какой части социальной структуры будут набираться чиновники. Соображения поддержания морального духа оправдывают широкую базу рекрутирования на основании способностей, а не социального положения. Хотя боевая эффективность – относительно безличный критерий, отдающий первенство способностям, а не наследственному статусу, ротация в правящих семьях от поколения к поколению будет, вероятно, низкой. Всякий вновь возникающий кризис, однако, будет усиливать тенденцию к предпочтению способностей. Представляется ясным,

что рекрутировать будут гораздо больше на основе предубежденности и послушности, а не объективности и оригинальности. И все же, как мы сейчас увидим, современное машинное общество привнесло в военное государство новые факторы – факторы, способствующие усилению объективности и оригинальности.

В гарнизонном государстве вся организованная социальная активность будет огосударствлена; поэтому роль независимых ассоциаций сойдет на нет, если не брать тайные общества (а именно, не будет никакой организованной экономической, религиозной или культурной жизни вне должным образом конституированных государственных учреждений и ведомств). Правление будет в высокой степени централизованным, хотя может практиковаться и разукрупнение для смягчения «бюрократизма». В современной цивилизации так много открытого сопротивления бюрократизму, что мы можем ожидать переноса этой установки и в гарнизонное государство. Централизованной будет не только вся административная структура; на каждом уровне будет проявляться тенденция к собиранию власти в немногих руках. Упор будет делаться на лидерство; ответственность, как правило, будет сфокусирована в индивидуальных «главах».

Мы набросали некоторые из методов, имеющих в распоряжении правящих элит гарнизонного государства: управление пропагандой, насилием, благами, практиками. Давайте теперь рассмотрим эту картину с несколько иной точки зрения. Как будут распределяться в таком государстве разные виды влияния?¹ Власть

¹ Влияние измеряется контролем над ценностями (желаемыми событиями). В целях анализа мы классифицировали ценности, разделив их на доход, безопасность и авторитет. Быть в авторитете – значит приниматься в расчет окружением. Авторитет в свою очередь делится на власть и уважение. Власть измеряется степенью участия в важных решениях. Решение – это выбор, подкрепленный самыми суровыми лишениями, имеющимися в распоряжении сообщества (обычно смертью). Принятие этих решений в сообществе – *функция* правительства. *Институт* правительства – это то, что называют правительством те, кто живет в данном сообществе в конкретный промежуток времени; это важнейший секулярный институт принятия решений. Ясно, что функция правительства может осуществляться иными институтами, нежели правительственные, т.е. «правительством» и монополистическим «крупным бизнесом». (Государство – одно из самых влиятельных сообществ в мировой политике.) Уважение измеряется взаимной доверительностью. Общество может быть разделено на разные классы на

будет в высокой степени сконцентрирована, как и при любом диктаторском режиме. Мы уже предположили сильную тенденцию к выравниванию распределения безопасности во всем сообществе (а именно негативной безопасности, социализации угрозы в современной войне). В интересах поддержания морального духа произойдет некоторое смягчение огромных различий в индивидуальных доходах: сглаживание пирамиды в ее вершине с выпячиванием в верхнесредней и средней зонах. Пирамида уважения в гарнизонном государстве будет, вероятно, напоминать пирамиду дохода. (Те, на кого будут направлены принудительно-трудовые ограничения, станут основными получателями негативного уважения и, следовательно, займут самые нижние уровни.) Множественность функций в современных производственных процессах настолько велика, что простая схема военных рангов явно не стыкуется с фактами. Даже при сохранении в военном государстве небольшого числа рангов будет признаваться, что разнообразие функций, осуществляемых каждым рангом, столь велико, что смысл специфической классификации будет неясным. Если подвести итог, то распределение безопасности в сообществе будет наиболее однородным, а распределение власти будет проявлять наибольшие неравенства. Паттерны дохода и уважения будут располагаться между этими двумя крайностями, проявляя заметное расширение в верхнесреднем и среднем слоях. Низшие слои сообщества будут состоять из людей, подчиненных принудительному труду и тяготеющих к образованию постоянной касты париев.

Что сказать о способности гарнизонного государства к производству большого объема материальных ценностей? Как и элиты недавних деловых государств, элиты гарнизонного государства будут сталкиваться с проблемой удержания под контролем колоссальных производительных возможностей современной науки и инженерии. Мы знаем, что правящие элиты современного делового государства так и не научились контролировать производственные мощности; они не желали принимать необходимые меры в целях регулирования темпов экономического развития. Вследствие этого современное общество характеризовалось периодами

основе каждой ценности – или на основе комбинаций ценностей. В самом широком смысле политика изучает условия, воздействующие на распределение большинства ценностей; в более узком смысле она изучает власть.

разнузданного роста, на смену которым приходили периоды явно-го недоиспользования средств производства¹.

Правители гарнизонного государства будут способны регулировать темпы производства, поскольку будут свободны от многих условностей, стоявших на пути принятия соответствующих мер в деловом государстве. Деловая элита не была готова к пересмотру институциональных практик в той степени, в какой это было нужно для сохранения непрерывно растущего потока инвестиций. Институциональная структура делового государства требовала гибкого взаимоприспособления правительственных и частных каналов деятельности и строгих мер для поддержания гибкости цен. Везде, где деловая элита не поддерживала такие необходимые упорядочения, само деловое государство начинало распадаться.

Хотя правители гарнизонного государства будут вольны регулировать темпы производства, они совершенно определенно не будут допускать полного использования современных производственных мощностей для невоенных потребительских целей. Элита гарнизонного государства будет профессионально заинтересована в тиражировании специальных устройств для актов насилия. Правители гарнизонного государства будут опираться на военные паники как на средство поддержания массовой готовности к отказу от непосредственного потребления. Военные страхи и паники, не находящие кульминации в насилии, в конечном счете утрачивают свою ценность; и это та точка, в которой правящие классы будут чувствовать, что необходимо кровопролитие, дабы сохранить добродетели прочного молчаливого согласия с режимом, которыми они столь восхищаются и от которых получают столь много выгод. Мы можем быть уверены, что если где-то и будет случаться подъем производства невоенных потребительских благ, вопреки объемам энергии, направляемой на производство военного оборудования, правящий класс непременно будет чувствовать

¹ О масштабах этих производственных потерь см., например, рис. 1 «Потери потенциального реального национального дохода, вызванные депрессией, безработицей людей и машинного оборудования, 1930–1937 гг.», в: *The structure of the American economy / National resources committee.* – Wash. : Government printing office, 1939. – Р. 2. Потери потенциального дохода оценивались в 200 млн долл.

себя в опасности, видя для себя угрозу в растущей «фривольности» общества¹.

Нам нужно рассмотреть, в какой степени на объемы производимых в гарнизонном государстве ценностей будет влиять тенденция к ригидности. Многие факторы в гарнизонном государстве дают основания ожидать, что тенденции к однообразным повторениям и церемониализации будут ярко выражены. В какой-то степени это функция бюрократии и диктатуры. Но в какой-то степени это проистекает и из озабоченности военного государства опасностью. Даже там, где чтут военные операции, боец должен закалить себя против глубоко заложенных в нем склонностей к уклонению от смерти и увечий. Одно из простейших и могущественнейших средств избавления от страха – какая-нибудь воспроизводящаяся операция, повторение чего-нибудь старого и прочно установленного. Отсюда опора на муштру как на средство дисциплинирования, приучающее людей переносить личные опасности без впадения в страх перед смертью. Склонность к повторению как средство уменьшения нерешительности намного усиливается успешным повторением, поскольку индивид очень привязан ко всему, что оказалось действенным для сохранения самоконтроля в предыдущих попытках. Даже те, кто отрицает у себя страх перед смертью, могут проявлять глубину своего бессознательного страха своим интересом к ритуалу и церемонии. Это один из тончайших способов, которыми индивид может оберегать свой разум от открытия собственной робости. Церемониалист даже не догадывается, что в паутине церемонии он нашел моральный эквивалент войны – непознаваемую замену личной опасности.

¹ Увековечению гарнизонного государства будут благоприятствовать некоторые психологические последствия потакания собственным слабостям. Когда у людей, которых дисциплина приучила держать себя в черном теле, увеличиваются удовольствия, их часто мучают угрызения совести. Такие навязанные самим себе тревоги означают, что совесть всегда на чеку и всегда готова навязать ортодоксальный кодекс человеческого поведения. Следовательно, случаи отхода от установленного порядка дисциплинированного молчаливого согласия с провозглашаемыми ценностями гарнизонного государства будут исправляться сами собой. От чувства вины, порождаемого потаканием собственным слабостям, может избавлять оргиастическое восстановление установленных нравов дисциплинированного самопожертвования.

Склонность скорее церемониализировать, чем сражаться, будет в гарнизонном государстве особенно заметна у наиболее влиятельных его элементов. Те, кто располагается в самой вершине военной пирамиды, будут, несомненно, занимать высокие положения и в пирамиде дохода. Во времена реальной войны может возникать необходимость в уступках в направлении сглаживания разницы доходов ради сохранения общего боевого духа. Можно ожидать, что перспектива подобных уступок будет служить сдерживающим фактором против войны. Уравновешивающей тенденцией будет, конечно, угроза закоснелым и хорошо устроенным членам высшего слоя со стороны целеустремленных членов низшего служивого корпуса. Эта угроза возникает также тогда, когда нарастает ропот недовольства установленным порядком вещей в более широких общественных слоях.

Представляется вероятным, что гарнизонное государство будущего будет гораздо менее ригидным, чем военные государства древности. До тех пор, пока сохраняется современное техническое общество, будет оставаться огромный корпус специалистов, фокус внимания которых целиком посвящен открытию новых способов использования природы. Прежде всего, есть физики и инженеры. Они способны демонстрировать с помощью вполне безличных процедур действенность многих своих предложений в отношении улучшения боевой эффективности. Поэтому мы предвидим в общей рамке гарнизонного государства дальнейшее освоение технических возможностей современной цивилизации.

Каковы некоторые из следствий этой картины для исследовательской программы ученых, которые, будучи еще и гражданами, желают защитить достоинство человеческой личности?

Ясно, что друг демократии смотрит на возникновение гарнизонного государства с отвращением и тревогой. Он будет делать все, что в его силах, чтобы его отсрочить. Если же гарнизонное государство станет неизбежным, то друг демократии будет стараться сохранить в этой общей рамке нового общества столько ценностей, сколько только сможет. Какие демократические ценности можно сохранить? И как?

Наш анализ показал, что некоторые элементы паттерна гарнизонного государства совместимы с демократическим уважением

к человеческому достоинству. Так, в нем будет некоторая социализация уважения ко всем, кто участвует в гарнизонном обществе (за вездесущим исключением низших слоев).

Сократятся ли человеческие издержки гарнизонного государства, если огражданстить правящую элиту? Как именно можно способствовать сплаву военных и гражданских искусств? Каковы хотя бы некоторые из средств, позволяющих преодолеть бюрократизм? В какой степени можно развить или сдержать церемониализирующие тенденции гарнизонного государства?

Ясно, что нам нужны более адекватные данные из прошлого по каждой из этих проблем и что можно спланировать сбор релевантных данных в будущем. Нам нужно, например, больше осведомленности о тенденциях в конфигурации навыков господствующих элитных групп в разных частях мира. Вдобавок к данным о тенденциях, нам нужны экспериментальные и кейсовые данные об успешных и безуспешных попытках огражданствления специалистов по насилию¹.

В связи с представленным наброском возникает много интересных вопросов о переходе к гарнизонному государству. Каков вероятный порядок его появления: Япония, Германия, Россия, Соединенные Штаты Америки? Каковы вероятные комбинации торга, пропаганды, организации и насилия в структуре навыков элит? Вероятно ли, что гарнизонное государство появится вместе с насильственной революцией или без нее? Появится ли гарнизонное государство сначала в небольшом числе больших континентальных государств (России, Германии, Японии [в Китае], Соединенных Штатах) или в едином мировом государстве, в котором будет главенствовать одна из этих держав? С какими символическими паттернами будет ассоциирован переход к гарнизонному государству? В настоящее время имеется четыре важных идеологических паттерна.

¹ Анализ тенденций к милитаризации в современном обществе можно посмотреть у Ганса Шпейера; его статьи обычно публикуются в журнале «Social research».

Четыре мировых символических паттерна

<i>Во имя:</i>	<i>Некоторые утверждаемые требования и ожидания</i>
1. Национальной демократии (Британия, Соединенные Штаты)	Универсализировать федерацию демократических свободных наций
2. Национальной антиплутократии (также антипролетарские) (Германия, Россия, Япония, Италия)	Универсализировать «ось» национал-социалистических держав
3. Мирового пролетариата (Россия)	Универсализировать Советский Союз, Коммунистический Интернационал
4. Подлинного мирового пролетариата (в настоящее время нет таких государств)	Новая элита овладевает революционным кризисом, чтобы ликвидировать «русских предателей», все «национал-социализмы» и «плутократические демократии»

Функция любого конструкта развития, такого как предлагаемый здесь в отношении гарнизонного государства, состоит в том, чтобы прояснить для специалиста возможную релевантность его исследований надвигающимся событиям, затрагивающим ценности, которые он одобряет как гражданин. Хотя конструкты развития и не являются ни научными законами, ни догматическими прогнозами, они помогают выстроить во времени научную работу, стимулируя как плановое наблюдение будущего, так и обновление интереса ко всем прошлым событиям, имеющим вероятное огромное значение для рождающегося будущего. В пределах общей структуры науки об обществе есть место для множества специальных наук, посвященных изучению всевозможных факторов, обуславливающих выживание избранных ценностей. Именно в этом смысле в рамках социальной науки и возможна наука о демократии, или наука политической психиатрии. Если гарнизонное государство вероятно, то сейчас самое время приступить к специальным его исследованиям¹.

Пер. с англ. *В.Г. Николаева**

¹ Роберт С. Линд проявляет озабоченность своевременностью познания в книге «Знание для чего?» В этой книге содержится масса ценных предложений, но не уточняется, какие формы мышления наиболее полезны для достижения целей, которые он имеет в виду. См.: Lynd R.S. Knowledge for what? – Princeton (NJ) : Princeton univ. press, 1939. – *Прим. пер.*

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: vnik1968@yandex.ru